

Возрожденная рукопись

— Дайте-ка посмотреть, — Воланд протянул руку ладонью кверху.

— Я, к сожалению, не могу этого сделать, — ответил Мастер, — потому что я сжег его в печке.

— Простите, не поверю, — ответил Воланд, — этого не может быть. Рукописи не горят.

М. Булгаков. "Мастер и Маргарита"

Разговор с Сергеем, нашедшим рукописи воспоминаний и дневника скульптора Бориса Эдуардса

У рукописей есть счастливое свойство — они не горят и не пропадают, сколько бы им не пришлось томиться в безвестности (заметим, что сам роман Михаила Булгакова пролежал неопубликованным 26 лет). Но не все верят этой непреложной, как издавна считается, истине, что рукописи не горят. Хотя современные ученые доказали, что даже во вселенской "черной дыре" информация не исчезает бесследно.

При подготовке и проведении европейским интерклубом "Дом Дерибаса" (штаб-квартира в Берлине) и Российским центром науки культуры на Мальте Первых Международных "Эдуардсовских чтений" (Ла-Валетта, Мальта, 6-11 октября 2008 г.), посвященных творчеству известного одесского скульптора Бориса Васильевича Эдуардса (1860-1924 гг.), организаторы были в активном поиске каких-либо достоверных сведений, относящихся к послереволюционному периоду жизни и творчества скульптора. Но, к сожалению, поиски не увенчались большим успехом (за исключением одной познавательной публикации президента Национального исторического общества Мальты доктора Альберта Ганадо, с которой участники чтений познакомилась уже на Мальте).

Наш разговор в Москве с Сергеем Мозалёвым состоялся в дни, когда общественность отмечала 85-летие со дня смерти Бориса Эдуардса (Мальта, 12 февраля 1924 г.). И посвящен он был не так давно обнаруженным Сергеем в Лондоне рукописи дневника скульптора, описывающего события 85-90-летней давности его жизни на Мальте, а также рукописи воспоминаний скульптора о его одесских детских и юношеских годах.

Александр. Сергей, наш разговор мы предварили афоризмом Воланда "Рукописи не горят". Согласись, что в обстоятельствах нашего вир-

туального знакомства был какой-то элемент булгаковской мистики. Следует призадуматься — при бесчисленном количестве онлайн-магазинов и сайтов, посвященных библиофилам, меня привело именно на твой сайт. И несмотря на опубликованный перечень, включающий тысячи антикварных книг и рукописей, я все же стал его терпеливо просматривать, пока не обнаружил № 416, "Дневник одесского скульптора Бориса Эдуардса". И не успел я связаться с тобой, обладателем этого раритета, как встречно получил от тебя электронное письмо.

Сергей. Действительно. Но мне было легче — совершенно случайно попав на сайт Европейского интерклуба "Дом Дерибаса" (www.DeribasInfo.de) и узнав о деятельности клуба по увековечиванию памяти Бориса Эдуардса, я решил с тобой познакомиться. Жаль, что это не произошло ранее. В дневнике Бориса Эдуардса содержится много информации, которая могла быть тебе очень полезной при пребывании на Мальте.

Александр. Расскажи, пожалуйста, что собою представляют рукописи.

Сергей. Дневниковые записи охватывают четырехлетний период жизни скульптора на Мальте. Носителями являются четыре ежедневника за 1920 год (1 января 1920 г. — 5 января 1921 г.), 1921 год (1 января 1921 г. — 31 декабря 1921 г.), 1922 год (1 января 1922 г. — 16 октября 1922 г.) и 1923 год (8 февраля 1923 г. — 31 декабря 1923 г.). Первый является ежедневником фирмы "T. J. and J. Smith", последние три — ежедневники фирмы "Collins Royal Diary". Дневниковые записи практически велись на каждой странице, иногда дата записи не совпадала со страничной датой ежедневников. В общем, автор убористым почерком исписано около тысячи двухсот страничек. Освещена история семьи, жизнь общины российских беженцев на Мальте, взаимоотношения российской общины с английской военной администрацией острова, даются оценки происходящим в России и, в частности, в Одессе политическим событиям. Автор комментирует свое творчество, описывает взаимоотношения со своими друзьями-мальтийцами и соотечественниками.

Отдельная тетрадь содержит воспоминания о детских и юношеских годах жизни скульптора, проведенных в Одессе. 2 мая 1920 г. Эдуардс записывает: "Хочется оглянуться на пройденный путь за 60 лет. Я решил приступить к письму своих воспоминаний, стараясь держаться последовательности течения жизни и событий. Записки буду вести в отдельной книге". Писать свои воспоминания он начал еще в Одессе, но "две тетра-

ди воспоминаний взяла Ольга Смоленская и верно зажилила, потому, не смотря на напоминания, не возвратила их мне" (26 января 1920 г.).

Александр. Ныне средствами массовой информации неизмеримо раздут интерес к частной жизни. Постоянно смакуются подробности приватной жизни известных личностей, зачастую они сопровождаются пошлыми откровениями. В Интернете можно постоянно лицезреть ее интимные моменты. Не знаю, как ты, Сергей, относишься к этому, но я не очень люблю погружаться в подробности чужой жизни, тем более скандально препарируемой, а еще хуже — подсмотренной журналистами и папарацци. Совсем другое дело дневники и воспоминания, за которыми стоят реальные достойные личности и их мысли.

Вот почему вызывает большой интерес мемуарный материал Бориса Эдуардса, охватывающий детские и юношеские годы проживания будущего скульптора в Одессе, а также послереволюционные годы его жизни и творчества на Мальге. Ведь после того как скульптор в середине 1919 года покинул Одессу, широкой общественности была неизвестна его судьба. Не было известно, где он жил, когда умер и где похоронен. Было совершенно не известно, как сложилась послереволюционная творческая судьба скульптора. Даже его племянник считал, что Борис Эдуардс жил и скончался в Италии в 1930 году.

И когда появилось сообщение о том, что стараниями посольства Российской Федерации и Российского Центра науки и культуры на Мальге была найдена и восстановлена могила Бориса Эдуардса, мы (это берлинцы Светлана Звоницкая, Инна Новикова и твой собеседник) решили полететь на Мальту. И стали первыми одесситами, возложившими цветы и привезшими горсть одесской земли на могилу любимого одесситами скульптора, похороненного на старом мальтийском кладбище Ta'Vraħia Cemetery (Floriana).

Сергей. Согласен с тобой, Александр. Я также презираю смакование подробностей чужой частной жизни, но при этом равнодушен к мемуарам. Считаю, что мемуарный жанр прекрасен и вечен. А авторские рукописные раритеты особенно ценны. Я много лет занимаюсь поиском и собирательством антикварных книг.

Несколько лет назад при посещении одной из частных библиотек в Лондоне я увидел несколько старых ежедневников, исписанных на русском языке. И задался целью установить личность автора дневника. Из калейдоскопа разрозненных дневниковых фрагментов складывался его образ — он из России, в частности, из Одессы (имелись его суждения

о происходящих событиях в России и в послереволюционной Одессе), по профессии скульптор (имелись сведения о заказах художественных работ и их выполнении). Автор упоминал о художественных произведениях, которые перед эмиграцией передал в Художественный музей Одессы. Когда я увидел упоминание о Российской императорской Академии художеств, то принял решение тщательно изучить дневниковые записи, дабы установить личность автора. Было ясно, что дневник принадлежит известной и незаурядной личности.

И тут помог случай — антикваром, владельцем ежедневников, мне дополнительно была передана тетрадь, исписанная тем же почерком. На титульной странице тетради было написано: "Мои воспоминания из пройденной 60-летней жизни" (эта надпись, как и весь последующий текст, автором была написана с употреблением буквы "ять"). В тетради появилось имя автора — Борис, а также упоминание о его деде — Josef Wiliam Edwards. И тут, как ты, Александр, понимаешь, оставалось лишь обратиться к Интернету. До того имя и творчество Бориса Эдуардса (Boris Edwards) мне были мало знакомы.

Александр. В период жизни Бориса Эдуардса на Мальте эта страна была английской подмандатной территорией. Так что в какой-то степени может быть понятно обнаружение рукописей в Лондоне. Тебе удалось как-то проследить возможную связь Бориса Эдуардса с лондонским антикваром? Кто мог быть посредником? Владелец рукописей что-то рассказывал?

Сергей. Владелец рукописей дневника и тетради воспоминаний не помнил, как они к нему попали. У него одновременно можно было увидеть много прижизненных изданий поэтов Серебряного века — Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Блока, Белого, Гумилева, Волошина, Пастернака и других. Многие книги были с их автографами и дарственными надписями.

В 1982 году в Лондоне ушла из жизни Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн. Ей было 94 года. Она была последней из самых блистательных женщин, которой довелось быть современницей расцвета Серебряного века русской поэзии. Божественно красивая потомственная грузинская княжна Андроникашвили в начале XX века содержала в Париже и Лондоне модные литературно-художественные салоны. Была в центре заграничной русской художественно-артистической жизни. Дружила с Ахматовой, Мандельштамом, долгие годы материально поддерживала Марину Цветаеву. Ее портреты ныне находятся в музеях — многие извест-

ные российские художники (Серебрякова, Петров-Водкин, Сомов, Григорьев и др.), а также французы и англичане воспели ее красоту. После смерти Саломеи Андрониковой издания из ее личной библиотеки попали к антикварам. Именно среди них мною были обнаружены рукописи Бориса Эдуардса. Можно с большой вероятностью предположить еще одну линию. Ты видел, что в дневнике Эдуардса часто упоминается имя Михаила Брайкевича, жившего в Лондоне. Это имя тебе о чем-то говорит?

Александр. Говорит о многом. Он был весьма известным коллекционером времен Серебряного века и первой волны русской эмиграции. Михаил Васильевич Брайкевич родился в Одессе, многие годы работал в Одессе, откуда эмигрировал в 1920 году. По воспоминаниям современников, Михаил Брайкевич был человеком большой жизненной энергии и кипучей разносторонней деятельности. Будучи талантливым инженером, окончившим Санкт-Петербургский институт путей сообщений, он участвовал в строительстве российских портовых сооружений и железных дорог. В период Временного правительства, когда, как он писал, над городом витал "призрак кровавой бойни", Михаил Брайкевич был городским головой Одессы (1917-1919 гг.). В Одессе он возглавлял отделение Русского технического общества, Военно-промышленный комитет, был вице-президентом Одесского общества изящных искусств. И активно занимался коллекционированием произведений искусства.

Перед своим отъездом за границу он устроил в Новороссийском университете выставку произведений, хранившихся в его коллекции. Свою большую коллекцию произведений художников "Мира искусства" (более ста единиц), уезжая, он подарил Новороссийскому университету (позднее эти произведения были переданы музею, ныне они составляют гордость Одесского художественного музея). Рассматривая серовский портрет Саввы Мамонтова, многочисленные работы Константина Сомова, "Болотные огни" Врубеля и многие другие замечательные произведения, посетители Одесского художественного музея ныне с благодарностью вспоминают имя Михаила Брайкевича. А в 1976 г. дочь Брайкевича Ксения Филдинг-Кларк подарила Одесскому художественному музею портрет Михаила Брайкевича и его дочери Татьяны, выполненные Константином Сомовым, другом и меценатом которого был Брайкевич.

Сергей. Тебе, очевидно, известно, что, живя в эмиграции, Михаил Брайкевич собрал вторую коллекцию произведений русских художников (Сомов, Серов, Серебрякова, Бакст, Леонид Пастернак, Григорьев, Бенуа,

Добужинский и др.), которая была подарена оксфордскому Музею Эшмолеан (Ashmolean). Михаил Брайкевич стремился, чтоб русская художественная школа заняла подобающее место в европейской культуре.

Александр. Незадолго (за два месяца) до своей кончины Борис Эдуардс отправил в Лондон несколько своих произведений для участия в традиционной Колониальной выставке. В дневниковой записи от 10 декабря 1923 г. содержится перечень отправляемых работ (с их оценкой): бронзовая статуэтка "Дама в кресле" (30 ф. ст.), статуэтка "Дама в кресле" из бронзы и слоновой кости (130 ф. ст.), два мраморных этюда (профили по 35 ф. ст.) и бронзовая фигурка собачки (25 ф. ст.). Участию этих работ в выставке содействовал Михаил Брайкевич. Нет сомнений, что упомянутые произведения Эдуардса ныне находятся в Англии, что в Англии находится самая, на мой взгляд, поэтическая работа скульптора — "Дама в кресле" (причем в единственном варианте исполнения головы фигуры из слоновой кости). Хранится, может, в том же Музее Эшмолеан, куда дочь Михаила Брайкевича Татьяна передала коллекцию умершего отца.

Сергей. Во время своего будущего пребывания в Англии я обязательно постараюсь посетить Музей Эшмолеан. Надеюсь, что длительный ремонт музейного здания завершился. Впрочем, уже ныне можно заглянуть в каталог русского собрания Музея Эшмолеан, подготовленный Ларисой Николаевной Салминой-Хаскелл.

Александр. Бориса Эдуардса и Михаила Брайкевича связывала тесная дружба еще с одесских времен, она продолжилась и в послереволюционное время. В письмах из своего лондонского предместья Хемптон-Хилл Софья Андреевна и Михаил Васильевич Брайкевичи постоянно заботливо морально поддерживали Бориса Эдуардса, советовали ему переехать в Лондон, предлагали проживание в их доме, присылали учебники английского языка.

Сергей. Известно ли, чем занимался Михаил Брайкевич, живя в Лондоне?

Александр. Он участвовал в строительном бизнесе, морских перевозках. И занимался многосторонней общественной деятельностью. В 1920 г. основал и был почетным председателем Русского экономического общества в Лондоне, редактировал и издавал "The Russian Economist. Записки Русского экономического общества" (на двух языках), занимался публицистикой. Активно участвовал в работе Русского общества по оказанию помощи голодающим в России. Всю его жизнь сопровождала главная всепоглощающая страсть — коллекционирование произведений

русских художников, в основном, круга "Мир искусства". Он дружил со Мстиславом Добужинским, Сергеем Рахманиновым, Константином Сомовым. Содействовал участию работ Бориса Эдуардса в лондонской Колониальной выставке 1923 г., планировал написать книгу о творчестве скульптора. В дневниковой записи Эдуардс об этом упоминает: "Брайкевич не оставляет мысли написать и издать книгу обо мне. В последнем письме он много об этом говорит и просит прислать ему материалы. Я теперь занят писанием воспоминаний о моей 60-летней жизни, и уже третья тетрадка заполнена до половины. Когда кончу, пошлю ему, может быть, он выберет там что-нибудь для себя удобное" (29 октября 1920 г.). Позднее Эдуардс отмечает: "Брайкевич большой оптимист, пишет: "Скоро поедем в Россию, а там столько будет дел" (21 октября 1921 г.).

Сергей. Как известно, в своем духовном завещании (июль 1921 г.) Эдуардс назначает Михаила Брайкевича распорядителем своего имущества до вступления завещательных наследников в законное наследие. После смерти Бориса Эдуардса его жена Роза Райш (Rosa Reisz) покинула Мальту и, судя по всему, дневники и воспоминания своего супруга она могла передать Брайкевичу. А после смерти Михаила Брайкевича (1940 г.) рукописи Бориса Эдуардса могли попасть к букинистам либо оказаться в библиотеке Саломеи Андрониковой.

Александр. Сергей, обратил ли ты внимание, что Борис Эдуардс и Михаил Брайкевич умерли в один и тот же день (но в разные годы) — 12 февраля? Вряд ли следует усматривать в этом что-либо символичное. Давай вернемся к дневнику. Как ты считаешь, найденный ежедневник за 1920 г. был ли началом ведения дневника? И полностью ли найдены дневники и воспоминания?

Сергей. Да, это начало дневника и воспоминаний. Дневник начат 1 января 1920 г., и об этом имеется запись. Обычно Эдуардс начинал ведение дневника с первого же дня нового года, а посему можно предположить, что еженедельник 1924 г. им уже был приобретен. И записи уже имелись, ибо в последней дошедшей до нас дневниковой записи скульптора, датированной 31 декабря 1923 г., жалоб на здоровье не было.

Одновременно с началом ведения дневника Эдуардс приступил к написанию воспоминаний в отдельных тетрадях. "Хочется оглянуться на пройденный путь за 60 лет. Я решил приступить к письму своих воспоминаний, стараясь держаться последовательности течения жизни и событий. К тому же, теперь здесь совершенно нет никакой работы, и я со спокойной совестью могу заняться записками, которые буду вести в отдельной кни-

ге", — записывает он 2 мая 1920 г. На обложке тетради воспоминаний написано — "1-я тетрадь. Мальта, 5 мая 1920". На первой странице тетради — "Malta, St. Ignatius College, St. Julian's" и заглавная надпись "Как прошла моя жизнь". Далее текст: "15 мая 1920 года мне минуло *шестьдесят* (подчеркнуто автором дневника) лет. В наш век электричества и покорения воздуха для полетов человека в желаемых направлениях 60-летняя цифра удовлетворительна. И, пройдя жизнь такого большого времени, я хочу оставить записки о ней, которые как бы возобновляю, ибо многое своевременно записанное осталось в моем бедном Отечестве за невозможностью взять всего собою во время бегства, спасаясь от кровавых лап вершителей комунарного режима в России. Эти воспоминания хочу провести по годам, и потому начну с самого раннего детства, связав несколько слов с предками".

Из дневниковых записей известно, что тетрадей воспоминаний было три. Найденная мною первая тетрадь воспоминаний была написана в период с 5 мая по 8 августа 1920 г. Записи этой тетради охватывают раннее детство и юность, завершаются поступлением семнадцатилетнего юноши в Одесское художественное училище (1877 г.).

Александр. В различных статейных материалах приводятся противоречивые сведения о происхождении Бориса Эдуардса. Что сообщает скульптор о своих предках?

Сергей. Он пишет: "Дед отца служил гусаром английской армии и был первым комендантом Гибралтарской крепости по окончании войны с испанцами. Дед мой со стороны отца, Josef Wiliam Edwards, великобританноподанный, прибыл в Одессу со своим небольшим парусным флотом, где и поселился, продолжая торговые дела, которыми занимался по выходе в отставку. Бабушка, жена деда, Камила Мария Феррари, испанка из Гренады, была с ним обвенчана в полевой военной церкви и стала его женой, не зная говорить по-английски, а ее муж не знал испанского языка, что впоследствии сладилось, так как, по словам бабушки, дед владел шестью языками. И она, что я помню хорошо, говорила на четырех языках хорошо и пятом русском с соответствующим акцентом... Бабушка сохранила до последних дней красивые черты лица, действительную красоту чистокровной испанки, пленившей моего деда. Деда я никогда не видел и знаю по портрету, всегда висевшему в гостиной. В Одессе дед развил большое торгово-промышленное дело, он открыл громадный магазин английских товаров, помещавшийся на углу Дерibasовской и Ришельевской и известный до самой революции под фирмой Вильям Вагнер. Кро-

ме этого, дедом был основан большой кожевенный завод, восемь собственных парусных барков служили для доставки товаров из Англии в Одессу и вывозили сырье из Одессы" (май 1920 г.).

Но пришла беда — несколько кораблей утонули во время жестокого шторма, и на них погиб сын деда. В том же году пожар уничтожил кожевенный завод. Отец Бориса Эдуардса Вильям Осипович открыл новые магазины английских товаров в Пале-Рояле, а также на углу Ришельевской и Ланжероновской. После трех лет удачной торговли магазины обанкротились. "Моя мать Софья Юрьевна Кирякина происходила из чиновничьей семьи. Никаких документов об этой семье я не находил, лишь из рассказов знаю, что дед молодым чиновником женился на бабушке, которая была турчанкой и при крещении была наречена Анастасией". В семье Эдуардсов, жившей на Ямской ул. (ул. Новосельского), было пятеро детей — трое сыновей и две дочери. Семья в шестидесятые годы жила в достатке, и детство Бориса Эдуардса до семилетнего возраста было беззаботным и счастливым.

Александр. Выходит, Борис Эдуардс родился в семье, далекой от искусства. Или в его роду были люди, профессионально принадлежащие к миру искусства?

Сергей. О профессиональной принадлежности к искусству кого-либо из членов семьи информация в записях не содержится. Но тяга и любовь к искусству присутствовали. Отец Бориса все свободное время отдавал детям, прививал им интерес к искусству — водил в гравюрные мастерские и эстампные магазины, покупал гравюры и лубочные картинки, читал им книги. Он сам любил заниматься резьбой по дереву. В детстве и юности Борис любил изготавливать макеты парусников и различных кораблей. "Мои способности к искусству были заложены отцом и бессознательно развивались им с самых малых лет. Говорю бессознательно, так как он первым был противником моего желания стать художником" (май 1920 г.). Борис Эдуардс, вспоминая о квартире бабушки, которая была обставлена богатой мебелью, стены которой украшали дорогие старинные картины, приходит к убеждению, что художественные начала к нему перешли со стороны отцовской линии. После смерти бабушки вся ее обстановка и произведения искусства перешли в семью Бориса Эдуардса. Он вспоминает о наличии в семье картин Сальватора Роза, Рубенса, Тинторетто, Поля Бриля.

Александр. Можно себе представить степень зажиточности и художественных вкусов дедушки и бабушки, коль ими приобретались произ-

ведения художников XVI века (Тинторетто) и XVII века (фламандцы Рубенс и Поль Бриль, итальянец Сальватор Роза).

Сергей. Эдуардс пишет, что отец во время нужды продал много произведений искусства. Вспоминает, как в галерею графа Толстого была продана за 300 рублей картина Сальватора Роза, а часовщику Штерну — за 200 рублей картина Тинторетто.

Александр. Эмигрируя, Борис Эдуардс в 1918 г. "подарил Одесскому художественному музею картины Цикарели и Поля Бриля. А великолепную картину Рубенса на дереве "Охота на кабана" отдал на хранение тому же музею в день бегства из Одессы от большевиков в 1919 г." (май 1920 г.). Директором музея был в то время его друг Кирыак Костанди, которому Эдуардс передал произведения искусства через свою натурщицу Н. Мельничук в присутствии известного художника Бориса Эгиза. В 1923 г. Эдуардс получил письмо от Б. Эгиза, приехавшего в Константинополь и сообщившего, что картина Рубенса, как и многие другие переданные скульптором работы, хранится в Художественном музее.

Сергей. После разорения торгового дела отца продажа произведений искусства не спасала семью от глубокой нужды. "Мне пошел девятый год. Жизнь была очень тяжела, семья бедствовала... Настало тяжелое время, когда мы уже позабыли о возможности пообедать, а лишь чашка чая с кусочком хлеба". Это был 1869 год. Бориса зачисляют на учение в подготовительный класс уездного училища, однако из-за неуплаты за обучение он не был допущен к выпускному экзамену, в первый класс не переведен и отчислен из училища. Юный Борис начинает работать в химической лаборатории В. Красильникова. "Мама всегда утешала меня, приговаривая: "Вот, Боря, подожди, потерпи. Скоро папа получит работу, заработает деньги и отдаст тебя в училище". Но ни ей, бедной, ни мне не пришлось дожидаться этого благополучия. Время проходило быстро, и мне уже стукнуло 12 лет" (май 1920 г.). Нужда не позволила ему продолжить учебу в училище, и отец определяет его на работу слесарем на завод Беллино с оплатой 10 копеек в день. Семья живет далеко от завода, работа начинается в шесть утра, и юноше приходится вставать в полчетвертого утра. "Недосыпание за ночь и недоедание днем среди отвратительной обстановки развращенных нравов рабочих делали жизнь ужасно тяжелой. У меня развилось малокровие и астма, мучавшая меня особенно во время дороги домой по окончании работы. Я не мог пройти и одного квартала без того, чтобы присесть на обочину мостовой. С множеством тяжелых переживаний, уколов самолюбия и т. п. мы протянули с братом 2,5 года этой беспо-

лезной для жизни и разрушительной для здоровья траты времени". Братья бросают работу, и это приводит к конфликту с отцом, за ослушание выгоняющим их из дому.

Борис более года, как он пишет, "скитался". И вот однажды он попадает "в биржевой зал, где устроилась передвижная выставка картин Общества передвижников. Среди всех меня особенно поразила одна большая картина, изображавшая Христа в пустыни, работы Крамского. Эта картина решила мою судьбу". Он решает пойти к директору Рисовальной школы Общества изящных искусств Францу Моранди, просить о зачислении в школу без уплаты за обучение. Моранди в зачислении ему отказывает, но затем Борис по ходатайству родственника И. Спиранде был зачислен в безоплатную группу, занимавшуюся два раза в неделю после обеда. Его учителем стал "скульптор итальянец очень высокого роста, типичный с огромным носом, красивый с очень добрыми глазами, всегда спокойный, умело забиравший в свои руки всех попадавших к нему учеников и делавший их своими преданными слугами и друзьями. Этот необыкновенный человек, которому я обязан всем своим начальным образованием по искусству, был моим лучшим другом и впоследствии, когда я уже стал художником. Дружба эта искренняя и чистая продолжалась до последних дней его жизни, которую он кончил, можно сказать, на моих руках. В течение последних 22-х лет мы с ним виделись почти каждый день, а по понедельникам для него всегда были накрыты приборы, он был нашим дорогим гостем, ни разу не пропустив обеда в понедельник, равно как и во всех случаях семейных торжеств. Это был ломбардец из Милана Луиджи Доменик Иорини. Ученик знаменитого скульптора Джорджио, создавшего бессмертную колесницу в упряжке четырех лошадей на Триумфальной арке в Милане. Иорини был человек чистой души, прекрасный и всеми любимый, таких людей я больше не встречал на моем веку. Умер дорогой мой учитель и друг от воспаления в легких на 86-м году жизни" (август 1920 г.).

Александр. После смерти Иорини (1911 г.) Борис Эдуардс обратился в совет Общества изящных искусств с предложением учредить фонд стипендии имени Луиджи Иорини. Он вносит в фонд 200 рублей. Эдуардс пишет, что "теперь эта стипендия еще не утверждена, так как я умышленно оттягивал собрание комиссии о стипендии, чтобы увеличить сумму, которая в настоящее время достигла уже 6-7 тысяч рублей" (8 августа 1920 г.). И добавляет: "Теперь с наступлением большевизма и полного разгрома школьного порядка, не знаю, как повернется дело со стипен-

дией, но если Бог сподобит мне возвратиться в Одессу и опять стать во главе преобразованной мною Школы рисования в Высшее художественное училище, я постараюсь оживить дело о стипендии Иорини и дать ей реальный ход" (август 1920 г.).

Луиджи Иорини отдал преподаванию в Художественном училище более 30 лет. Наиболее известными работами скульптора в Одессе являются скульптуры богини плодородия и земледелия Цереры и бога торговли Меркурия, установленные в фасадных нишах бывшей Купеческой биржи (ныне городская Дума). В 1898 г. Борис Эдуардс выполнил прекрасный прижизненный скульптурный портрет своего учителя и друга Луиджи Иорини, который ныне хранится в Одесском художественном училище им. Грекова. Портретный бюст Луиджи Иорини считается одним из лучших в портретном творчестве Бориса Эдуардса, создавшего скульптурные портреты многих известных людей современности (Александр Бернардацци, Луи Пастер, Влас Дорошевич, Анна Есипова, Эраст Андриевский, "Шурка" и др.).

Сергей. Этим этапом жизни Бориса Эдуардса (1877 г.) мы вынуждены завершить наш разговор о проведенных в Одессе детских и юношеских годах будущего скульптора. Борис Эдуардс завершил свою первую тетрадь воспоминаний словами: "Продолжение в следующей тетради. 8 августа 1920 г.". Поиск последующих двух тетрадей воспоминаний скульптора предстоит.

Ты обсуждал с Почетным консулом Украины на Мальте Джоном Дебно вопрос установки мемориальной доски на мальтийском доме, где жил Борис Эдуардс. Вы как-то определили, о каком доме может идти речь? О скитальческой жизни скульптура на острове без соболезнования читать невозможно. Я насчитал шесть адресов, куда за неполные пять лет проживания на острове судьба и английская военная администрация Мальты перемещали Эдуардса с малолетней Асей, дочкой его умершей родной сестры.

Александр. Ты прав. Борис Эдуардс приплыл на Мальту предположительно 25 апреля 1919 г. на корабле Bermudian. Он жил то в помещении Технического училища (3 версты от города), то в громадном холодном деревянном военном бараче, то в семинарском помещении пустующего с 1907 г. колледжа английских гугенотов St. Ignatius College в St. Julian's, в последний год снимал квартиру. При поселении все квартиры требовали ремонта, приобретения элементарной мебели. Мастерские всегда были в отдалении от квартиры. Всюду его сопровождали бытовые неудобства: "Приготовление пищи на маленькой керосинке. Угля и дров нет. Надо ку-

пить старые ящики из-под консервов, чтобы делать приспособления. Другого леса тут добыть нельзя. Занимаюсь при мизерной лампочке-керосинке, издающей неопишемую вонь" (июнь 1920 г.). Последняя квартира Эдуардса была в Birkirkara, адрес ее известен (по информации доктора Альберта Ганадо — 73, Fleur-de-lys Road, Birkirkara, Malta). Запись 15 сентября 1922 г.: "Нанял квартиру в Биркиркара за 12 ф. ст. в год (уплата до 15 декабря 1923 г.)". По окончании срока найма: "Наняли новую квартиру там же в Биркиркаре, будет готова через 2-3 месяца. Мастерская будет при квартире". Эта запись была сделана 11 декабря 1923 г. Переехать в новую квартиру Борису Эдуардсу уже не было суждено.

Сергей. Борис Эдуардс был очень политизирован. В первые годы эмиграции практически нет ни одной записи без комментария событий в России, в мире. Он откликается на высказывания Ллойда Джорджа и Аристида Бриана, военные успехи Врангеля и Деникина, речи "мерзавца разбойника Ленина". Корабли, плывущие с Сицилии и из Константинополя, почту привозят нечасто. Он жадно читает газеты "Новое русское слово", "The Times", "Призывъ". Его гнев и ненависть к большевикам безмерны: "Из России потрясающе дурные сведения — большевики стараются во всю. При мысли обо всем происходящем в России просто задыхаешься, и сил не хватает пережить мысли, направить их в другую сторону... Голова трещит от мысли, что делается на дорогой Родине. Содрогаешься от ужасов большевизма. Проклятая чума. Мысли не идут в голову, а работа в руки" (1920 г.).

Александр. Особенно с большим нетерпением он ожидает сообщения из Одессы, в которой он прожил 60 лет своей жизни и в которой потерял все то, что составляло смысл его жизни. Каждое сообщение из Одессы горестно наполняет его душу. В общем потоке эмиграции в "окаянные дни" Одессу покидает его друг художник Петр Нилус. Эдуардс был в переписке с Петром Нилусом, жившим в Париже. "П.А. Нилус переслал мне письмо А. Федорова. Описывает житие в Одессе. Ужас и горе... Сегодня плакала моя душа, читая письма из Одессы, которым были посланы посылки с продовольствием... Сегодня прочитал в газете более подробное сообщение о смерти дорогого товарища К.К. Костанди — умер от голода бедняжка. Он был такого крепкого здоровья, что при нормальных условиях мог бы жить еще лет 10" (1921 г.). Речь шла о Кириаке Костанди, замечательном одесском живописце и талантливом педагоге. Борис Эдуардс вместе с ним в 1890 г. был одним из членов-учредителей "Товарищества южнорусских художников" (ТЮРХ).

Сергей. Эдуардса удручают постоянные известия о "вахханалии грабежа" в Одессе, разграблении его квартиры и мастерской.

Александр. Меня очень удивляет, что в дневниковых записях никак не отражена реакция скульптора на акт вандализма — уничтожение памятника Екатерине II в Одессе. Не мог Эдуардс при своих активных связях с одесситами об этом не знать. Или это ими скрывалось от Эдуардса из-за нежелания его расстроить. Впрочем, вряд ли могло быть такое длительное коллективное умолчание. Нет эдуардсовских комментариев и по поводу сноса памятника Екатерине II в Краснодаре (Екатеринодаре), проектные разработки и строительство которого он несколько лет осуществлял после смерти автора памятника — скульптора Михаила Микешина.

Сергей. Действительно, это странно. При бегстве у Бориса Эдуардса практически все осталось в Одессе. Собственный дом в Софиевском переулке и мастерская с инструментом, дача, художественные работы. На Мальте у скульптора в наличии оказалась небольшая сумма обесцененных российских денег, которые, к тому же, отказывались менять. Об использовании каких-то мифических российских акций говорить не приходится. Английская военная комендатура предоставляла беженцам временное жилье. Нужно было постоянно переезжать, самостоятельно ремонтировать и обставлять комнаты, одеваться, обучать и одевать растущую девочку. Обстановка в общине российских беженцев неблагоприятна — распри и оговоры, фискальство, кража хозяйкой харчевни М. Лихачевой средств, выделяемых английской комендатурой на общинное питание (было даже заведено уголовное дело). "Говорили, что в России было гадко, но теперь присмотрелись мы все, что за сволочь публика тут" (7 мая 1920 г.). "Эмигранты обнаружили здесь поведение, достойное презрения. Главная интриганка Ольга Путьгина, дочка бывшего сумасшедшего адмирала Зеленого, одесского градоначальника" (12 мая 1920 г.). Были и такие встречи (радостные и грустные): "В Риме в русской таверне встретили наших беженцев, бывших на Мальте. Графиня Елизавета Александровна Мусина-Пушкина сидит за буфетом. Очень обрадовалась, что я ей признался. Вспоминали прошлое, когда я бывал в их дворце" (11 июля 1921 г.).

Дневниковые записи первых двух лет жизни Эдуардса на Мальте читаются с состраданием: "До того хочется съесть что-либо хорошо приготовленное, что и описать трудно. И надо больших усилий воли, чтобы удержаться от покупки таких великолепных котлеток и пирожков, которые готовит княжна Вяземская и продает в Барге... Хожу таким оборванцем, что и сказать стыдно... Ужасно мне трудно выбиться из нужды" (июнь 1920 г.).

Александр. При этом Эдуардс старается оказывать посильную помощь другим. Он посылает в Константинополь деньги детям, помогает знакомым — семье М. Ньюман и другим. "Получил письмо из Парижа от вновь образованного Одесского землячества, просят пожертвовать на голод. Но что я могу дать больше одного-двух шиллингов, ведь сам до изнеможения работаю, чтобы не голодать. Лондонскому землячеству пожертвовал 2 медальона стоимостью там 10 фунтов" (11 июня 1922 г.).

Сергей. По прочтении дневника убеждаешься, что Борис Эдуардс был не просто трудоголиком, а человеком огромной силы воли и работоспособности. В его записях постоянно упоминается о чувстве долга по отношению к удочеренной Асенке, необходимости ее достойного содержания и обучения, необходимости заработка на хлеб. И несмотря на приступы малярии, сердечную боль, отекавшие руки и ноги, он, преодолевая себя, ежедневно идет в мастерскую. Где он, скульптор, "поставлен в ряды рабочих": "Болят руки — очень тяжела черная работа. Не малый труд 9-10 часов помахать трехфутовым молотком... Трудно без помощников — и лепить, и отливать, и отбивать мрамор, и отвозить. Ужасная усталость".

Александр. Сергей, ты сказал: "Эдуардс — человек огромной силы воли и работоспособности". Наверное, это сказано недостаточно. Дело не только в том, что он, преодолевая себя, каторжно трудится. Не имея финансовой возможности нанимать рабочих, он не чурается самостоятельно выполнять любую черновую работу. Он пишет: "Невероятно тяжело сознать интеллектуальное умирание и переход от художника к ремесленнику" (30 июня 1921 г.). "Тоска берет, как подумаю, что я перестал быть художником. Необходимость заработка на хлеб при отсутствии требований на художественные произведения ставят меня в ряды рабочих. Теперь я литейщик, формовщик, кочегар, слесарь, чеканщик" (6 июля 1922 г.).

На Мальте он, образно говоря, был "человек-мастерская". Заказывает мрамор (его давнишний поставщик — Анонимное общество С. Генро), закупает кирпич, песок, глину, уголь, воск, канифоль, строит печи для обжига, мастерит формы, изготавливает вагранки. Сам осуществляет заливку форм и плавку в вагранках. ("Я стал бронзолитейщиком".) И все это в условиях мальтийской жары, когда плавится материал, в условиях постоянных проливных дождей и высокой влажности, когда ущербно остывает бронза. Работает в неветилируемых помещениях. Как ему теперь пригодился весь опыт, приобретенный на заре своей деятельности, когда он, скрыв свою профессию скульптора, инкогнито проработал чернорабочим на литейном заводе Барбадьен в Париже (1889-1890 гг.)! По возвращении

в Одессу он открыл "Первый на Юге России художественно-бронзово-литейный завод и Первое на Юге России ателье художественной и промышленно-художественной скульптуры". Деловой хватки Эдуардсу было не занимать, он и теперь, на Мальте, решает "сделать запросы об организации художественного или художественно-промышленного училища". Борис Эдуардс с юношеским задором осваивает новые технологии. При изготовлении многофигурного барельефа для банка Чикиони он выполняет "первые в жизни отливки в столь крупных масштабах (62 пуда)" (27 июля 1922), впервые берется за "выполнение работы по отливке из серебра четырех медальонов на сюжеты из священной истории" (22 октября 1923 г.). Все работы он выполняет в своих самодельных литейных мастерских, и лишь один раз выполняет объемную работу (заказ маркиза Чикиони) в арендованной профессиональной литейной мастерской братьев Дебон.

Сергей. И все это при тяжелейшем, а порой критическом физическом самочувствии. Эдуардс, казалось, уже привычно описывает в дневнике свои сверхмучительные ежедневные приступы болезни, свое постоянное очень тревожное сознание "близости конца". Невозможно себе представить, как человеческий организм смог более десятилетия практически ежедневно выдерживать такие чудовищные малярийные приступы, какими судьба незаслуженно наградила Бориса Эдуардса.

Александр. Эдуардс приехал на Мальту тяжело больным. Причем эта болезнь его изводила долгие предреволюционные годы. В 1896 году умер известный российский скульптор Михаил Микешин, автор памятника Екатерине II в Екатеринодаре (Краснодаре), и Борис Эдуардс был приглашен продолжить работы по изготовлению и сооружению памятника, который был открыт в 1907 г. Пребывание в Екатеринодаре закончилось для Эдуардса тяжелым заболеванием — он заразился малярией.

Эти страдания в дневнике описываются практически ежедневно: "Малярийные припадки допекают... Малярия меня окончательно добивает... Малярия не прекращается несмотря на изрядную долю хинина... Целый день шумит в голове от хинина, а прока что-то мало... Сердце уже не выносит хинина в той мере, которая нужна для подавления малярийных приступов... Придется уступить малярии или помереть от действия хинина... Микробы малярии, очевидно, распространились по всему организму и оказывают уничтожающее действие... Ужасающий припадок, пришлось класть лед на голову... Малярия пересиливает, и сердце уже не выдерживает даже небольших порций хинина... Сердце мое не хочет работать, я просто замерзаю, если не обложусь бутылками с горячей водой... Сердце

не работает, я чувствую, как коченеют все мои члены, холод охватил все существо... Лихорадка и состояние морального отчаяния, ощущение близости смерти действуют мучительно на психику... Припадки грудной жабы, которая грозит меня задушить... Я сильно похудел, состарился, изменился до неузнаваемости... Я не узнаю себя, совершенного старика... Умирание очевидное... Ужасно предчувствую конец. Боюсь лечь спать... Вероятно, конец придется встретить здесь. Как хотелось бы мне возвратиться в Одессу и там сложить кости. Как хотелось бы мне лечь рядом со всеми своими... Очень гадко болеть без денег".

Хотя Эдуардс, как всегда, деятелен и общителен, он постоянно мучительно переживает свое личное одиночество. "Одиночество донимает, да так, что бросился бы в объятия каждому, кто бы тепло отнесся ко мне... На душе камнем лежит безысходная тяжесть, одиночество гнетущее... Настроение отвратительное, чувство сиротства до того съедает, что сегодня я даже плакал — так нервы расстроились... Тоска и одиночество невероятные... Одиночество ужасное и гнетущее. Так ведь в этом одиночестве прошла вся жизнь моя бедная". В июле 1921 г. Эдуардс оформляет завещание: 50% наследства предназначаются двоим детям от брака с княгиней Татьяной Ухтомской, остальные 50% — Анастасии (Асе). Распорядителем имущества до его наследственного дележа был назначен Михаил Васильевич Брайкевич.

Сергей. Будучи физически совершенно обессиленным и морально раздавленным, Борис Эдуардс в этот период создает замечательные произведения. Создает свою поэтическую "Девушку в кресле", считая ее своей "лебединой песней". Эту работу Эдуардс называет по-разному — "Барышня в кресле", "Дама в кресле" или просто "Сидящая в кресле".

Александр. Сергей, ты себе представить не можешь те чувства, которые нами овладели при впервые увиденной этой великолепной жанровой композиции в Музее изящных искусств Мальты. Она на нас всех произвела потрясающее впечатление. Эдуардс пишет, что директор созданного Музея изящных искусств В. Бонелло (март 1923 г.) в "неописуемом восторге от моей Дамы, он назвал в каталоге выставки мою Даму "Jognibello". Замечу, что нынешний директор Музея изящных искусств (Ла-Валетта) господин Сандро Дебона разрешил нам сфотографировать это произведение, ныне под названием "Reverie" экспонирующееся в музее.

Эдуардс, влюбленный в свою "Девушку в кресле", решает выполнить скульптуру из слоновой кости. Он просит Михаила Брайкевича помочь с приобретением слоновой кости, в Берлине посещает фабрику Венцель,

выпускающую машины для обработки слоновой кости. "Наследник Венцеля меня узнал, несмотря на прошедшие 10 лет (я покупал машину, которая осталась в Одессе). Купил набор великолепных инструментов" (8 сентября 1921 г.). 22 апреля 1923 г. он записывает: "Какая прекрасная поэтическая вещь вышла. Как великолепно сочетается бронза со слоновой костью. Рассмотрение Дамы вызывает столько радостных переживаний, точно мне в первый раз удалась работа. Я нахожу, что это высокоаристократическое произведение чрезвычайной художественной ценности. Я иногда не верю, что я сделал такую вещь, и мне еще больше становится больно своего прозябания здесь. Я не смог удержать слезы от воспоминаний об утраченном прошлом. Так дико отнятом и ограбленном у меня". "Она действительно такая прелесть, что оторваться от нее нельзя. В былое время, если б я выставил свою Даму в Питере, сейчас бы была куплена в музей или частную коллекцию" (18 марта 1923 г.). Его радует, что выпущены почтовые карточки с изображением "Дамы в кресле" (октябрь 1923 г.). Именно это произведение, выполненное в единственном экземпляре (частично с использованием слоновой кости), ныне предположительно может быть в Музее Эшмолеан.

Интересна история создания этого произведения. В январе 1920 г., когда скульптор переживает тяжелые известия из Одессы и мальтийские житейские неурядицы, он без натурщицы лепит маленький "очень удачный этюд" сидящей в кресле девушки. У него возникает решение "выполнить ее в несколько большем масштабе и сделать из мрамора" (26 января 1920 г.). В марте в студию "пришла В. Лихачева и ее сестра красавица княжна Дедешкелиани. Какое очарование женщины, попросил ее позировать, на что она восторженно ответила согласием. Это может быть моя "лебединая песня", но какая прекрасная" (15 марта 1920 г.).

Сергей. Очень впечатляет большой перечень работ, выполненных Борисом Эдуардсом во время пребывания на Мальте. Думается, это настоящий подвиг творческого и физического труда тяжелобольного человека, причем живущего в совершенно некомфортных условиях. В дневнике упоминаются мраморные медальоны адвоката Неварда, княгини О. Вяземской, княгини Дедешкелиани, княгини Д. Чудной, мадам Кекевич, жены художника Велла, брата Розы Райш — А. Найс, жены Мицци, бюст княгини О. Вяземской, памятник и бюст мадам Байяды, барельеф адвоката Мевсуди, памятник Кауни, фигурная группа для фонтана дачи Анапа, мраморный бюст Босады, памятник Фавни ("Сидящий ангел у креста"), памятник майору Дж. Дугласу, Группа утешения на семейном участке

Luigi Stagnetto (кладбище на Гибралтаре), статуя Мадонны Кармелитки, фигура Ангела для церкви в Сенглея, серебряные медальоны для пьедестала Мадонны, многофигурный барельеф для банка маркиза Чикиони, оформление кабинета Чикиони в стиле Людовика XVI и другие. Некоторые работы Эдуардс тиражировал. В частности, было выполнено более 50 экз. композиции "Дама в кресле". Многие заказчики с большими трудностями расплачивались, на творчестве скульптора зарабатывали посредники. "Бонелло делает гешефт на моих работах... Выплачивает по 1-2 фунту, которых едва хватает заплатить за харчи" (май 1920 г.). "Заказали 300 статуэток Мадонны, а взяли одну. Хорошо, что я отлил 20" (30 апреля 1922 г.). Иногда скульптору даже приходилось обращаться в суд (дело Кармело Маля, февраль 1922 г.).

Александр. Сергей, ты не упомянул исполнение бюста генерал-губернатора Мальты фельдмаршала Герберта Плюмера (Gerbert Plumper), героя Ипрского сражения 1917 г. Сам лорд не позировал, скульптор пользовался Атласом атрибутов обмундирования, предоставленным британской военной комендатурой. Современники фельдмаршала отмечали, что Эдуардс достиг полного портретного сходства и отражения индивидуальности британского военачальника. Комендант Мальты "майор Смит смотрел бюст лорда и пришел в восторг... Бюст производит фурор", — записывает скульптор в дневнике (29 марта 1920 г.).

Многие работы Эдуардса ныне находятся в частных коллекциях жителей Мальты. Скульптор часто делал подарки, даря свои произведения мальтийцам — архитектору Бонелло, адвокату Велла, нотариусу Катания, профессору Гамильтону и другим. Выступая в программе "Эдуардсовских чтений" (Ла-Валетта, октябрь 2008 г.), президент Национального исторического общества Мальты доктор Альберт Ганадо сообщил о наличии в своей коллекции нескольких произведений Эдуардса, в том числе и портретного бюста фельдмаршала Герберта Плюмера.

Сергей. Я понимаю, что за давностью лет практически невозможно с какой-то полнотой изучить мальтийский творческий период Бориса Эдуардса, но хоть какие-то попытки делаются?

Александр. Делаются, но очень слабые. И в основном, искусствоведами Мальты, одесситы как-то отстранились. С 1920 г. в России не вышло ни одного сборника статей, ни одной книги, посвященной творчеству Бориса Эдуардса. В это трудно поверить, но это, к сожалению, факт. Трудно понять, чем Борис Эдуардс заслужил у соотечественников такое отношение к своему творчеству. Время обличения "предателей Родины" ведь давно прошло.

Мы с тобой, Сергей, говорили, как горестно Эдуардс переживал ограбление своей мастерской. На Мальте однажды произошел случай, который обострил эту боль. Эдуардс записывает: "Здесь у одного купца Кутаяра оказалась моя бронзовая статуэтка, купленная им у какого-то матроса судна, пришедшего из Одессы. Это оказался эскиз Суворова на коне, утвержденного покойным государем, который я вылил в бронзу. Он был куплен за 2 ф. ст. Очень мне было тяжело видеть эту бронзу, и я сделал над собою усилие, чтоб не заплакать над этим свидетельством моего разорения, разорения моей мастерской, моей души. Как мне больно и обидно было, сколько воспоминаний связано с этой статуэткой. Кутаяр предложил, чтобы сделать ему модель всего памятника" (28 июня 1920 г.). "Кутаяр захотел, чтобы я восстановил пьедестал с барельефами, как они есть на памятнике" (31 января 1922 г.). Эдуардс смонтировал модель памятника Суворову. "Кутаяр принял работу памятника Суворову. Но, Боже, какое отсутствие какого-либо понимания или интереса к тому, что я сделал. Больше всего тщеславие: "Вот это сделано по заказу А. Кутаяра и будет на выставке" (17 апреля 1923 г.).

Сергей. Эдуардс упоминает о создании памятника "Героям 6 июня": "Комиссия поручила работу памятника убитым 6 июня 1919 г. за освобождение Мальты. Плата за сооружение смехотворна — 170 ф. ст. Но я делаю" (12 марта 1923 г.). Александр, ты видел этот памятник?

Александр. Лишь на фотографии. Этот памятник был установлен на кладбище Adoloratto, кстати, рядом с выполненным Эдуардсом памятником Кауни. Исполнение скульптором памятника "Героям 6 июня" было единственным общественным заказом. На создание памятника была выделена мизерная сумма, этот памятник нельзя причислить к разряду выдающихся эдуардсовских произведений.

Борис Эдуардс дружил со многими известными деятелями искусства Мальты. Их моральная, а иногда и материальная поддержка была для него значима. Его вместе с воспитываемой им Асей часто приглашают в гости В. Бонелло (в марте 1923 г. он стал первым директором основанного Музея изящных искусств), семья художника Велла ("Запахи мастерской Велла меня оживляют... Решил с сеньоры Веллы сделать медаль... Велла подарил мне свой натюрморт, участвующий на выставке. Какой чудный этюд, какой колорит и какая гармония в отношениях красок"), он общается с архитекторами Бокалло, Вассалло и Малиа, скульптором Кардоно, художником Дингли, адвокатом Велла и нотариусом Катания.

Сергей. Хочу заметить, что не всегда гладко складывались отноше-

ния Эдуардса с местными художниками и скульпторами. Это понятно — никто из них не мог приблизиться к профессиональному уровню Бориса Эдуардса, у многих была профессиональная зависть и даже злость от потери части заказов из-за появившегося конкурента. Не этим ли следует объяснить хулиганский поступок — на выставке 1923 г. статуэтка "Дама в кресле" была повреждена, "какой-то негодяй сделал пробой в левой груди бронзы. Подлец этакий!" (26 декабря 1923 г.).

Александр. Эдуардс часто приглашает друзей к себе на чаепитие. "Купил у мальтийца тульский самовар, так ему обрадовался, точно Россию увидел" (16 мая 1920 г.). Он дружит с известным российским историком и библиографом Константином Адамовичем Военским ("Спасибо К.А. Военскому, он оказался необычайно сердечным, отзывчивым человеком". 3 февраля 1920 г.). Беседы с Константином Военским, автором многих работ по истории России, в том числе по истории Отечественной войны 1812 г., были для Эдуардса "глотком Родины". Тем более что Военский был автором и монографии "Русский музей императора Александра III" (1897 г.), в котором, как известно, были и работы скульптора. Константин Военский умер в 1928 г., похоронен на том же кладбище Ta'Vraxia Cemetery (Флориана), что и Борис Эдуардс. Эдуардса связывают приятельские отношения с живущими по соседству семьями художника Иона Перова и княгини О. Вяземской, Бонч-Бруевичей, Новосельцевых. А вот с известным архитектором Николаем Красновым, архитектором двора его императорского величества, отношения почему-то не сложились ("Краснов умеет влезть без мыла в самые тесные скважины". 13 марта 1920 г.).

В 1921-1923 гг. Эдуардс несколько раз принимал участие в ежегодно проводимых на Мальте групповых художественных выставках. Представленный портретный бюст генерал-губернатора лорда Плюмера произвел фурор. О выставке 1922 г. скульптор отозвался не очень лестно: "2-3 удачные картины и мои работы. Остальное — такая дрянь, что у нас на ученическую выставку не поставили бы" (5 мая 1922 г.). На этой выставке Эдуардс представил бюст Баяды, медальоны Мицци, Веллы, Баяды и Розы Райш. На выставке 1923 г. Эдуардс представляет "Даму в кресле", четыре медальона и модель памятника А. Суворову. "Выставка имела большой успех. Мои работы всеми признаны первыми, лучшими из всех. Получил столько поздравлений от людей совершенно мне не знакомых, что если бы был моложе, то это могло бы мне вскружить голову. Впрочем, за эти годы мытарств и горя я позабыл даже, что ведь я в самом деле хороший художник" (25 декабря 1923 г.).

Сергей. Из записей Эдуардса становится подробно известным период "выживания Лигой наций беженцев с острова". Английская военная администрация была лишь добросовестным исполнителем. Все началось в ноябре 1921 г.: "Губернатор лорд Плюмер сообщил о необходимости отъезда беженцев в Египет и поселения их на Кипре" (22 ноября 1921 г.). "Объявлено, что после 28 февраля 1922 г. ни одного беженца на Мальте не должно остаться. Комендант Смит предупредил об окончании 1 января выдачи пайка. Семьи отправляют в Египет, а оттуда на Кипр, в Сербию, Болгарию, Чехословакию. Будут давать паек еще 2 года" (ноябрь 1921 г.). Перед скульптором возникает серьезная проблема — куда уезжать с ребенком? "Нужно готовиться к отъезду, распродавать весь накопившийся скарб. Перевожу скульптурные бебехи, растыкиваю их по разным чужим людям. Надо собираться, но как быть с работами и куда наметить путь?" — это записи февраля 1922 г.

Прессинг английской комендатуры продолжается: "Сегодня все получили письма: "Информируем, что 28 февраля вы должны выехать из колледжа, куда вам угодно. Прилагаемую подписку прошу подписать и сдать коменданту". Разговоры никакие не допускаются, а квартиру найти по нашему карману нет никакой возможности... Чем ближе 28 февраля, тем неотступнее думы, куда деваться" (22 января 1922 г.). "Выживание беженцев с Мальты идет полным ходом. Сегодня от коменданта всеми получены письма с обратной распиской: "Я подтверждаю, что информирован комендантом по распоряжению военного правительства Англии, что никакие отсрочки продолжения питания и никакие финансирования проездов за счет английского военного правительства не будут производиться больше, и прекращаются 28 февраля 1922 г.". Просьба к беженцам — указать, куда желают ехать" (2 февраля 1922 г.). "Сегодня опять новые английские распоряжения, терроризирующие нас. Объявили, что ввиду закрытия кредитов 30 марта, все должны к этому времени выехать, так как после этого числа денег на проезд даваться штабом не будет" (20 марта 1922 г.). "Сегодня говорил с комендантом, мне будет выдан билет для проезда в Берлин и ходатайство разрешения у немецкого правительства на долгосрочное проживание в Германии. После 28 февраля я смогу оставаться на этой же квартире, пока уеду, но продовольствие прекращается". "Гадко чувствовать себя в роли собаки, лишенной своего старого дома и места. И куда она не пойдет, ее всюду гонят. Так и нас бедных бездомных беженцев" (8 февраля 1922 г.).

Замечу, что все это происходит в те же дни, когда представители английской военной администрации и художественная общественность

Мальты восхищаются выполненной Эдуардсом портретной скульптурой генерал-губернатора Мальты фельдмаршала Герберта Плюмера. Александр, тебе известно, чем было вызвано решение Лиги наций о выселении российских эмигрантов с Мальты?

Александр. Ответить на твой вопрос не могу. Информацию о решении Лиги наций по принудительному переселению российских беженцев с Мальты на остров Кипр, в Египет и другие страны я впервые узнал из дневника Эдуардса. Чем оно было вызвано, не знаю. Пытался выяснить из публикаций, но в доступной литературе их не обнаружил. Как известно, ни в одной из континентальных европейских стран такая переселенческая ситуация не возникала. Наоборот, с 1921 г. по решению Лиги наций российским беженцам там выдавались Nansen-Pass, предоставляющие им многие гражданские права. Информация о выдаче российским беженцам на Мальте "нансенских паспортов" мне не встретилась.

Принуждаемый к отъезду, Борис Эдуардс пишет запросы в разные страны, хотя при наличии работы принимает решение остаться на Мальте. В этот момент к нему поступает предложение министерства промышленности Мальты возглавить курсы по подготовке учителей. "Выясняется с моей службой у мальтийцев. Парламент должен рассмотреть мое назначение, и тогда в благоприятном случае я останусь на Мальте" (4 февраля 1922 г.). Он решает поехать к Розе Райш в Bad Neugeim (Германия) и до 1 октября вернуться с ней на Мальту. Параллельно они принимают семейное решение приобрести домик под Берлином или Мюнхеном. В октябре 1923 г. Борис Эдуардс возвращается с Розой Райш на Мальту, и впервые, пожалуй, за все годы наступают несколько месяцев его счастливой семейной жизни. Они принимают гостей, отмечают день рождения Розы. Но это семейное благополучие длится совсем недолго. 30 июня 1924 г. Роза Райш вместе с Асей, пережив утрату Бориса Эдуардса (12 февраля), покинули Мальту, уплыв в Гамбург.

Сергей. А не задумывался ли ты над тем обстоятельством, что на могиле Бориса Эдуардса вовремя не было сооружено какое-то достойное надгробие, что за три четверти века могила скульптора оказалась как-то утерянной? Спасибо посольству Российской Федерации и Российскому Центру науки и культуры на Мальте, разыскавшим могилу Бориса Эдуардса и установившим на ней надмогильную плиту.

Александр. Я до сих пор как-то не нахожу объяснения этому обстоятельству. Как человек, создавший десятки высокохудожественных произведений, в том числе памятников-надгробий в разных странах,

смог после смерти оказаться не отмеченным достойным памятником или надгробием?

Старинное интернациональное кладбище Ta'Vraxia Cemetery было основано в 1857 г., на нем сохранились не поврежденными сотни памятников конца XIX — начала XX века, в том числе и на могилах людей, живших вместе с Борисом Эдуардсом в лихие годы эмиграции на Мальте. Константин Военский, Екатерина, Павел, Ольга и Наталия Путятины. На старинном еврейском участке сохранилась могила одессита — Якова Бецинского (Giacomo Bescinsky, ум. 1871 г.). Никак не могу понять, как могила человека, окруженного при жизни уважающей его творческой интеллигенцией — архитекторами, скульпторами, художниками, оказалась без памятника. Если не говорить об оригинальном заказном памятнике, уверен, что в мастерской Бориса Эдуардса были десятки неиспользованных мраморных элементов, а также форм надгробных произведений, отливки которых могли быть компиляционно использованы. После смерти Эдуардса на Мальте оставалась несколько месяцев его супруга Роза Райш, которая также могла распорядиться и оставшимися художественными произведениями, и деньгами для установки памятника или достойной надмогильной плиты. Да, и Михаил Брайкевич мог впоследствии распорядиться, будучи по завещанию доверенным лицом. Согласись, что эта совершенно необъяснимая, на мой взгляд, ситуация как-то дополнила и без того трагические обстоятельства жизни Бориса Эдуардса.

В былые времена всегда при виде одесского особняка Бориса Эдуардса мне представлялась не только царящая там возвышенная творческая атмосфера, но и картина какого-то семейного счастья, покоя и благополучия за его стенами в начале двадцатого века. Знакомство с дневниковыми записями, обнаженно представившими трагизм личной жизни скульптора, напрочь разрушило это мое идиллическое дежавю.

Сергей. А не стоит ли нам взвесить необходимость "разглашения" того, что Эдуардс пишет о своей личной жизни? Ведь с читателями может произойти то, что произошло с тобою.

Александр. Считаю, что твои сомнения напрасны. Знакомство с личной неустроенностью и трагическими обстоятельствами жизни Бориса Эдуардса, не приведшими к его депрессии, не подавившими у скульптора желания служения искусству и возможности творчества, причем жизнеутверждающего, только возвеличивают его, совершившего, на мой взгляд, человеческий и творческий подвиг.

Не многим суждено вынести столько житейских невзгод и горя, сколь-

ко свалилось на Бориса Эдуардса в течение всей его жизни. Это, прежде всего, неудачная женитьба на княгине Татьяне Дмитриевне Ухтомской. "Всю мою жизнь разбила эта истеричка, эгоистка и беспутная баба. И не только мою, но и сестры Лиды" (24 декабря 1921 г.). "Одаренная, порывистая, но никчемущная натура" (6 марта 1922 г.).

Любимая родная сестра Лидия за несколько месяцев до его эмиграции умерла. "Лидия в последние 10-15 лет моей жизни при неудачной женитьбе была моим ангелом-хранителем. С Лидией мы не расставались всю жизнь до 1918 г., когда она в ноябре скончалась на моих руках после тяжелых страданий от испанской инфлюэнцы" (6 ноября 1923 г.). На его попечении осталась малолетняя дочка сестры — Асенька (ей было около четырех лет), вместе с которой он эмигрировал. "Господи, продли мне дни, чтобы укрепиться и вырастить эту девочку, такую дорогую мне!" (25 июля 1922 г.).

Война разлучила его с любимой женщиной Розой Райш (Rosa Reisz), живущей в Bad Neugeim (Германия). Роза Райш, не пережив войны, вышла замуж. Но ее брак был неудачен. В июле 1921 г. Эдуардс едет в Германию, где после семи лет разлуки встречает свою возлюбленную, "милую немочку Röschen". "Милая Роза, я люблю ее, как и прежде, и страшно рад вновь встретиться с ней. Я мечтаю остаток своей жизни прожить в содружестве с Розой, которая так давно и крепко любима". Любовь Розы Райш взаимна, она пишет: "Я пойду жить с тобой, куда бы ты меня не позвал, хоть на край света. Лишь бы быть с тобой и служить тебе" (31 октября 1921 г.).

В Берлине Эдуардс оформляет официальный развод с княгиней Татьяной Ухтомской, с которой не живет и не общается с 1902 г. И еще в посольстве он хлопочет об удочерении Аси. В феврале 1922 г. Эдуардс получил документ о разводе: "Это такое облегчение моего жизненного кошмара, последние 15 лет тяготившего надо мной". 25 декабря 1922 г. Эдуардс венчается с Розой Райш гражданским браком в Bad Neugeim и в православной церкви в Висбадене.

В дневнике много озабоченных записей о судьбах его дочери Мусиньки ("Мушки") и сына Саши, живущих в Константинополе. "Я дедушка. У Мусечки 17 октября родился сын... Письмо от Мушиного мужа — сообщает о скоротечной послеродовой чахотке, что Мусинька в безнадежном состоянии". 20 декабря 1922 г. Мусинька умерла, ей было 20 лет.

За этим следует очередной удар судьбы: "Получил мартиролаг, перечисляющий умерших наших товарищей, в котором узнал о смерти моего

сына Саши, который оставил вдову и 14-месячного младенца. Бедный Саша, его смерть была совершенно для меня неожиданна. Трудно смириться с его смертью. Теперь надо устроить, чтобы приблизить к себе внука, как единственного носителя фамилии Эдуардсов, и помочь матери вырастить его. Саня безумно любил этого ребенка. Воображаю, как тяжело Татьяне Дмитриевне, она осталась одна-одинешенька. Сама виновата — переоценила свои таланты и осталась при разбитом корыте, однако мне ее очень жаль" (1 мая 1923 г.).

Из дневниковых записей мы узнаем о некоторых подробностях семейной размолвки. Забрав дочку, "честолюбивая мать таскала несчастного ребенка по разным захолустьям Бессарабии и Подолья, добывая себе театральные лавры в разных бродячих труппках. Обанкротившись в отношениях со мной и разорив семью, потащила ребенка в Москву, подвергая его самым неправильным условиям жизни. Потом перевезла в Феодосию и поместила на жительство в семье. Что хорошего она там видела в течение нескольких лет?" (10 января 1922 г.).

Сергей. Европейским интерклубом "Дом Дерибаса" (Берлин) в октябре 2008 года в Ла-Валетте были проведены Первые Международные "Эдуардсовские чтения". По многим положительным оценкам прессы мне известно, что это стало первым общественно значимым культурологическим мероприятием, проведенным заграничной одесской диаспорой в Европе. Чем был вызван у клуба такой большой интерес к жизни и творчеству Бориса Эдуардса?

Александр. В студенческие годы, посещая библиотеку "Горьковку" и направляясь к остановке трамвая, я постоянно проходил стометровку Софиевского переулка. Проходя мимо особняка Бориса Эдуардса (Софиевский пер., 3), вспоминал, что это был один из центров общественно-художественной жизни города, здесь бывали Луиджи Иорини, Кириак Костанди, Петр Нилус, Тит Дворников, Борис Эгиз и другие известные деятели искусства, студенты Художественного училища. Всегда было интересно заглянуть в бывшую мастерскую скульптора и во двор, где работали художники, скульпторы, камнетесы, чеканщики. Интересно было наблюдать за работой мастеров, но пришлось видеть стоящие и лежащие конвейерно-поточные скульптуры Ленина, Сталина, металлургов с ковшами и их подружек — "Девушек с веслом", которых долгие годы плодила советская мастерская Художественного фонда.

В сентябре 2007 года, когда в Одессе был установлен реабилитированный памятник Екатерине II и когда были постоянные казацкие потасовки

у памятника, одесская пресса уделяла повседневное внимание этим событиям. А вот об имени создателя памятника как-то совершенно забылось. Мне не встретилось ни одной статьи, посвященной Борису Эдуардсу. Я ностальгически решил с друзьями пройти по своему студенческому маршруту, подойти к особняку скульптора. И то, что пришлось увидеть, не могло не удивить. Я имею в виду состояние особняка и мастерской скульптора, отсутствие охранной грамоты (хотя бы "Памятника культуры местного значения"), отсутствие элементарной мемориальной таблички.

За рубежом Одессы в разное время и по разным причинам очутилось много выдающихся потомственных одесситов, и "Домом Дерибаса" было принято решение изучить послереволюционные судьбы некоторых из них — ученого Георгия (Джорджа) Гамова, скульптора Бориса Эдуардса, художника Франца Рубо, мецената барона Эдуарда фон Фальц-Фейна и других. Кстати, по совместной инициативе "Дома Дерибаса" и барона Эдуарда Александровича фон Фальц-Фейна мэрией Одессы была установлена мемориальная доска на доме, в прошлом принадлежавшем основателям заповедника Аскания-Нова, семье Фальц-Фейн и семье Скадовских-Фальц-Фейн, основателям города Скадовск. Это известный "Дом с атлантами" на Надеждинской ул., 5/7 (архитектор Лев Влодек).

Сергей. Мы познакомились с дневником Бориса Эдуардса, охватывающим несколько лет его жизни в изгнании. Узнали неизвестные факты его творческой и частной судьбы, жизни российской диаспоры беженцев на Мальте. Что можно сказать обо всем этом?

Александр. С именем Бориса Эдуардса у россиян и одесситов связано много прекрасного. Он был основателем скульптурной школы города, Одессу украшают его произведения — памятник Основателям города (с фигурами Екатерины II, князя Григория Потемкина, графа Платона Зубова, адмирала Иосифа де Рибаса и инженер-полковника Франца де Волана), портретный бюст архитектора Александра Бернардацци, памятник врачу Эрасту Андриевскому и др. Более тридцати произведений скульптора находятся в Одесском художественном музее и Одесском художественном училище им. Грекова, его произведения находятся в Русском музее (Санкт-Петербург), музеях Англии и Мальты, в частных коллекциях. Борис Эдуардс был академиком Российской императорской Академии художеств (1915 г.), членом-учредителем "Товарищества южнорусских художников" (ТЮРХ), организатором Художественного училища. А перед эмиграцией — директором этого училища.

Дневник Бориса Эдуардса — это не мемуаристика в прямом понимании, а своего рода летопись. Прочтя дневник, мы узнали подробности мальтийской жизни скульптора, сохранившего культурные ценности в изгнании, несмотря на оторванность от родной культурной среды. И преумножившего их. Перед нами возник доселе совершенно неизвестный облик счастливого художника, произведения которого восторженно и с благодарностью воспринимались людьми, и человека, тяжело больного и глубоко несчастного в личной жизни. Человека, в годы эмиграции изо всех сил боровшегося за жизнь и за выживание.

Борис Эдуардс вышел победителем, к исходу его дней судьба стала благосклонно к нему относиться. Он стал полноправным гражданином Мальты (сентябрь 1922 г.), министр народного просвещения Мальты предложил ему руководство курсами по подготовке учителей рисования, его избрали почетным членом Художественного общества Мальты, министерство промышленности Болгарии предложило ему профессорскую должность в Художественно-промышленном училище, он обрел счастье в личной жизни, его заработки позволили ему, наконец, снять квартиру с мастерской. Но до смерти оставались считанные дни. Победить коварную малярию ему не удалось. Он прожил всего 64 года...

В заключение нашей беседы я хочу выразить тебе, Сергей, признательность за то, что ты предоставил именно Европейскому интерклубу "Дом Дерibasа" эксклюзивное право знакомства с дневником и воспоминаниями Бориса Эдуардса.

И мы смогли вместе с Борисом Эдуардсом вспомнить его юношеские годы, виртуально пережить тяжелейшие последние пять лет его жизни в изгнании. Если и есть что-то истинное в знаменитой булгаковской фразе "Рукописи не горят", это именно то, что в круговороте эмигрантской жизни уцелели дневник (1920-1923 гг.) и воспоминания Бориса Эдуардса, уцелело более тысячи двухсот рукописных страниц скульптора.

Сергей. Благодаря благотворительной деятельности Европейского интерклуба "Дом Дерibasа" стали известны подробности мальтийского периода жизни и творчества Бориса Эдуардса. Произошло настоящее чудо — почти через столетие к нам пришли мысли Бориса Эдуардса. Нужно сделать, чтоб они нашли дорогу к читателям.

Александр. Ты прав. Остается только добавить, что ныне в Украину и Россию возвращается имя академика Российской императорской Академии художеств (1915 г.) и само творчество Бориса Васильевича Эдуардса.

Восстановлен памятник Екатерине II в Одессе, автором которого является Борис Эдуардс. Восстановлен также памятник Екатерине II в Краснодаре, проектирование и строительство которого после смерти скульптора Михаила Микешина было осуществлено при участии и под надзором Бориса Эдуардса. В этом памятнике авторству Эдуардса принадлежат скульптурные фигуры кобзаря-слепца и мальчика-поводыря.

По чертежам скульптора, принятым городской Думой еще в 1907 году, намечена установка памятника градоначальнику Одессы (1878-1895 гг.) Григорию Маразли.

Берлин – Москва

